

Витаий Ждан, Владимир Утлово

С «Корабля...» Феллини на «Бал» Скола

Три киносезона на Елисейских полях

...В дни нашего пребывания в Париже город загляло шедро весеннее солнце, крупные ягоды дрожа темной алмаз, рдяным светом на пушистой зелени, внешне все выглядело беззаботно, спокойно. Но в эти же дни за двое суток случилось три убийства: бывшего генерал-губернатора Тегерана и его брата и члена организации басма-сепаратистов. ...Оттапливающие достоверные кадры телехроника — кровь, сымаемая с мостовой перед входом в солидный, респектабельный дом, профессионально быстрая работа полицейских, остолбеневшие прохожие. Чей-то труп накрывают рождей. Жизнь продолжается, как если бы ничего не случилось. Вспоминаются детективы Хичкока. Но это не кино, а видеорепортаж с места события.

Перед входом в метро наклеенное на рекламную тумбу объявление: пятеро убитых в течение одних суток. Пассажиры пошатривают на тумбу без особого интереса — все знают, что пользоваться эти самки дешевым (в прошлом), быстрым и безопасным транспортом небезопасно. Особенно вечером. Но не у всех же есть автомобили. А в часы пик метро быстрее и надежнее...

Молодые люди с электротитарой, переносной акустической системой или каскеткином стали неотъемлемой частью пейзажа парижского метрополитена. Она рассчитана и на сентиментальность туристов, и на патристичное сочетание.

Правильно одетые, полные сил и явного небезразличия, они потеснили традицион-

ных индих с их аккордеонами. Вряд ли эти пары и девушки вырывают по вечерам сумки и вымарачивают карманы. Но именно назав их полдник приходится держать под постоянным наблюдением Латинский квартал. Зрелище для туристов: с одной стороны улицы — нахмуренные полицейские в пластовых шлемах, с продолговатыми шитами, нагруженные всем необходимым для разгона демонстрации, с другой — толпа возбудженной, выпрививающей лозунги молодежи. Плакаты. Требования разные, в том числе — права на спокойную жизнь без войны и ядерной бомбы. Париж 1984 года. Ощущение решающего момента перед выбором, который может оказаться спасительным или привести к катастрофе...

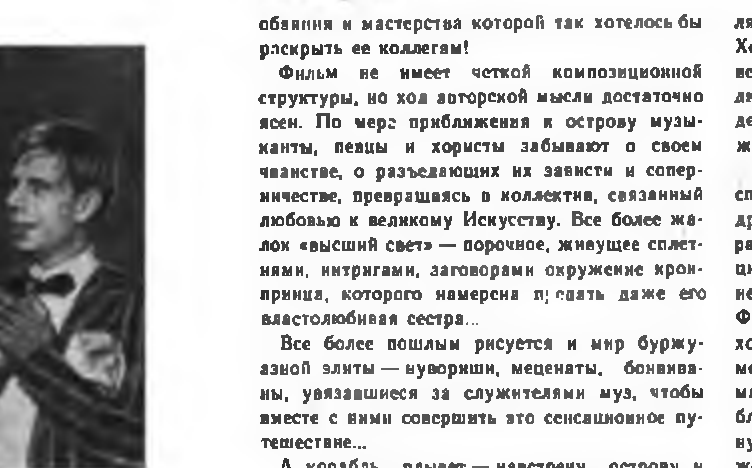
То же ощущение остановки перед решающим шагом оставляет в знакомом с репертуаром парижских кинотеатров. Можно быть участником или гостем авторитетных международных фестивалей в Вене или в Венеции. Можно радоваться широте охвата мирового кинематографа на «фестивале фестивалей» (скажем, в Лондоне). Но Париж, с традиционным для этого города, где рождался кинематограф, культурного искусства, всегда предлагает программу, не уступающую никакому фестивалю. Хотя само французское кино сегодня не охвачено так интересно.

Зрар Парижа рассчитан на разные акцус, в том числе — и специфические. Любители эротики могут посетить 26 порнофильмов в репертуаре недели. Все еще идет наумшевшая в свое время «Эмилиянуэль» Жюста Жюкина с Сильвией Кристель. Демонстрируют и очередная лента на этой серии — «Эмилиянуэль IV».

Для свобод или поклонников «трудного» кино — фильмам Буноуля, Дрейера, Висконти, Феллини, Бергмана.

Для любителей бездумно развлекаться — 32 приключенческие ленты, в том числе нестарелый шедевр Кристиана-Жана «Фанфан (Тольпан», 43 комедии (из них 6 — музыкальных), 3 «фильма ужасов» и 14 полицейских боевиков.

«Драматические комедии» (к этому несколько странно обозначенному жанру отнесены и «Амаркорда» Феллини, и «Деньги» Брессона, и

«Корабль плывет...» режиссер Феллини

«Фанни и Александр» Бергмана, и «Фрэнкис Кляффорд» и психологические драмы адресованные солиданому зрителю, для которого в афише припасены еще и показ фильма Черной Африки, и ретроспективы Годара и Хичкока, юмористов братьев Маркс, танцевальной пары Фред Астер — Джинджер Роджерс, а также «три шедевра русской оперы» — советские фильмы «Хованщина», «Князь Игорь» и «Царская невеста».

Разнообразие и яркость парижской киноафиши осязаемо подчеркивает затнувшийся кризис французского кино: около трети всех новых лент сделаны за океаном; еще одна треть — совместные постановки; в остающихся на долю национального кинопроизводства огромная часть (30 процентов) принадлежит угловым лентам, пустым комедиям и киноэротике. Как правило, французские фильмы уступают картинкам ведущих мастеров мирового экрана. Например, лучшими французскими лентами февраля 1984 года называются комедия «Локвара» с участием Жерара Депарде и Пьера Ришара, полицейский фильм «Мариналь», где выступает по-прежнему популярный Бельмондо, и «Канникуль» Ива Буассе с американицем Ли Марвинем в главной роли. Одновременно с ними демонстрировались: «А корабль плывет...» Федерико Феллини, «Гандя» Ричарда Аттенборо, «Кармен» Карлоса Саури и «Трагедия Кармен» Питера Брукса.

Можно позавидовать искусному парижскому зрителю. И нельзя не отметить его вкус, на что, в частности, указывает то обстоятельство, что наибольшие сборы делают фильмы, затрагивающие важнейшую проблему современности — можно ли избежать войны и сподобиться ли современной культуре преодолеть тулники «постиндустриального общества» (социальное неравенство, утрату гуманистических идеалов, человеческую разобщенность).

Большим успехом в Париже пользуется последняя по времени работа Феллини «А корабль плывет...». Итальянский режиссер впервые причисляется к теме «апокалипсиса». Отдаленные раскаты грозящей «обшеству долотребления» катастрофы глухо звучали еще в «Амаркорда» Феллини, и «Деньги» Брессона, и

«Драматические комедии» (к этому несколько странно обозначенному жанру отнесены и «Амаркорда» Феллини, и «Деньги» Брессона, и

объявляя и мастерства которой так хотелось бы раскрыть ее коллегами! Фильм не имеет четкой композиционной структуры, но как авторской мысли достаточно ясно. По мере приближения к острову музыкальные кадры, певцы и хористы забывают о своем качестве, о разрывающих их зависти и соперничестве, превращаясь в коллектив, связанный любовью и великим Искусству. Все более желанной «высшей свету» — порочное, жнущее слезами, интригами, заговорами окружение кропринии, которого намерены пугать даже его выстоявшие сестра...

Все более постым рисуется и мир буржуазной элиты — юворшии, мененаты, боньявны, увязавшиеся за служителями муз, чтобы вместе с ними совершить это сенсационное путешествие... А корабль плывет — навстречу острову и своей судьбе. Ощепинившись немощными, ларикратно грозными орудиями, австрийский броненосец потребует выдачи сербов (война-то началась, Газрило Принциу уже стрелял в престолонаследника Франца Фердинанда). Корабль выглядит как плод фантазии ребенка, но и персонажи, и зрители проникаются ощущением серьезности угрозы, на время нарушаящую и обоснованность социальных заключений...

«Морской ветер подхватывает прах, из трубы граммофона льется голос Эдмек, а затем начинают говорить пушки. Как и в начале фильма, режиссер здесь подчеркивает пренебрегает внешним правдоподобием. Переживания действующих лиц, наоборот, реальные и злободневны: первые прежде разделенный социальным неравенством, предрасудками, эгоизмом, пестрым мир «Глория» объединяется перед лицом общей французская критика видит в годореске «Кармен» «прекрасный фильм о городе света». Можно было бы поспорить, заслуживало ли «Имя Кармен» высшей награды Венецианского фестиваля 1983 года. Дискутировать же по поводу того, является ли картина зломадипсихологией трагедией, на наш взгляд, бессмысленно: события фильма не дают для этого оснований.

Жозеф любит героиню яростно, с такой фанатичностью желанной красавицы, таинственной хронприни в окружении ласкее, генерала, министров, полковников, охраняющих августую Эрию с прахом великой певицы, секрет

ляет достоинство и человечность Искусства. Хочется думать, что режиссер действительно верит, что «яроста спасет мир». Под хор Верди молодой серб бросает в броненосец самоделную бомбу — и стальной чудовище уничтожено.

Шум камеры прерывает радостные крики спасенных. Идут съемки фильма, а стало быть, драматические сцены на борту «Корабля дураков», как и весь реж «Глория Н», — фиксация эричудными грез режисера. Апокалипсис не состоялся. Западные критики полагают, что Феллини стремился и сумел доказать превосходство правды вымысла над правдой документального факта. Если так, то он, надо думать, имел в виду, что его вымысел весьма близок к реальности, и пассажиром судна, вменяемого авлаветой Земля, лучше быть историческим, готовым оправдать даже террор во имя ускорения исторического прогресса.

Так или иначе, в финале все линии сливаются воедино, и зритель узнает, что среди скрипячей — подружка Жозефа, Клэр, а съемки фильма должны послужить прикрытием очередной террористической акции Кармен и ее приятелей.

Не вызывает сомнений назначение эпизодов с «ядовитой Жаном» — они служат «горизонтом милого» Годара, собственным разное творческой судьбы режиссера, мечтавшего ускорить молодежный бунт, но убедившегося в своем поражении — и в политике, и в искусстве. «Имя Кармен» констатирует известный факт. Кинематограф Годара и «новой волны» принадлежит прошлому, но вряд ли это дает основания предкевать конец света. Между тем французская критика видит в годореске «Кармен» «прекрасный фильм о городе света». Можно было бы поспорить, заслуживало ли «Имя Кармен» высшей награды Венецианского фестиваля 1983 года. Дискутировать же по поводу того, является ли картина зломадипсихологией трагедией, на наш взгляд, бессмысленно: события фильма не дают для этого оснований.

Вместе с тем страсть героя так физиологична, так свободна от моральных, интеллектуальных, психологических аспектов подлинной любви, что Драма Жозефа не вызывает особой сочувствия. А внезапное зарождение этой страсти в сцене налета на банк, и атмосфере мастерских, «солдато и в значительной мере условно святого «бюлета перестрелки», оставляет чувство некоторого недоумения.

Любое, постигающее Жозефа в момент, когда он оказался на полу рядом со схваченной им налетчицей, укрывавшей от пуль сообщника Кармен, выглядит противостественной. Протоестественная, по сути, и сама героиня — женщина, секшая страх, проль и смерть. Впрочем, все это больше напоминает театр абсурда, чем реальную жизнь.

Патологическая бездуховность навязла над героями Годара. Каковы бы ни были мотивы террористических акций Кармен и ее сообщники

Так или иначе, в финале все линии сливаются воедино, и зритель узнает, что среди скрипячей — подружка Жозефа, Клэр, а съемки фильма должны послужить прикрытием очередной террористической акции Кармен и ее приятелей.

Не вызывает сомнений назначение эпизодов с «ядовитой Жаном» — они служат «горизонтом милого» Годара, собственным разное творческой судьбы режиссера, мечтавшего ускорить молодежный бунт, но убедившегося в своем поражении — и в политике, и в искусстве. «Имя Кармен» констатирует известный факт. Кинематограф Годара и «новой волны» принадлежит прошлому, но вряд ли это дает основания предкевать конец света. Между тем французская критика видит в годореске «Кармен» «прекрасный фильм о городе света». Можно было бы поспорить, заслуживало ли «Имя Кармен» высшей награды Венецианского фестиваля 1983 года. Дискутировать же по поводу того, является ли картина зломадипсихологией трагедией, на наш взгляд, бессмысленно: события фильма не дают для этого оснований.

Жозеф любит героиню яростно, с такой фанатичностью желанной красавицы, таинственной хронприни в окружении ласкее, генерала, министров, полковников, охраняющих августую Эрию с прахом великой певицы, секрет

ляет достоинство и человечность Искусства. Хочется думать, что режиссер действительно верит, что «яроста спасет мир». Под хор Верди молодой серб бросает в броненосец самоделную бомбу — и стальной чудовище уничтожено.

Шум камеры прерывает радостные крики спасенных. Идут съемки фильма, а стало быть, драматические сцены на борту «Корабля дураков», как и весь реж «Глория Н», — фиксация эричудными грез режисера. Апокалипсис не состоялся. Западные критики полагают, что Феллини стремился и сумел доказать превосходство правды вымысла над правдой документального факта. Если так, то он, надо думать, имел в виду, что его вымысел весьма близок к реальности, и пассажиром судна, вменяемого авлаветой Земля, лучше быть историческим, готовым оправдать даже террор во имя ускорения исторического прогресса.

Так или иначе, в финале все линии сливаются воедино, и зритель узнает, что среди скрипячей — подружка Жозефа, Клэр, а съемки фильма должны послужить прикрытием очередной террористической акции Кармен и ее приятелей.

Вместе с тем страсть героя так физиологична, так свободна от моральных, интеллектуальных, психологических аспектов подлинной любви, что Драма Жозефа не вызывает особой сочувствия. А внезапное зарождение этой страсти в сцене налета на банк, и атмосфере мастерских, «солдато и в значительной мере условно святого «бюлета перестрелки», оставляет чувство некоторого недоумения.

Любое, постигающее Жозефа в момент, когда он оказался на полу рядом со схваченной им налетчицей, укрывавшей от пуль сообщника Кармен, выглядит противостественной. Протоестественная, по сути, и сама героиня — женщина, секшая страх, проль и смерть. Впрочем, все это больше напоминает театр абсурда, чем реальную жизнь.

Патологическая бездуховность навязла над героями Годара. Каковы бы ни были мотивы террористических акций Кармен и ее сообщники

Так или иначе, в финале все линии сливаются воедино, и зритель узнает, что среди скрипячей — подружка Жозефа, Клэр, а съемки фильма должны послужить прикрытием очередной террористической акции Кармен и ее приятелей.

Не вызывает сомнений назначение эпизодов с «ядовитой Жаном» — они служат «горизонтом милого» Годара, собственным разное творческой судьбы режиссера, мечтавшего ускорить молодежный бунт, но убедившегося в своем поражении — и в политике, и в искусстве. «Имя Кармен» констатирует известный факт. Кинематограф Годара и «новой волны» принадлежит прошлому, но вряд ли это дает основания предкевать конец света. Между тем французская критика видит в годореске «Кармен» «прекрасный фильм о городе света». Можно было бы поспорить, заслуживало ли «Имя Кармен» высшей награды Венецианского фестиваля 1983 года. Дискутировать же по поводу того, является ли картина зломадипсихологией трагедией, на наш взгляд, бессмысленно: события фильма не дают для этого оснований.

Жозеф любит героиню яростно, с такой фанатичностью желанной красавицы, таинственной хронприни в окружении ласкее, генерала, министров, полковников, охраняющих августую Эрию с прахом великой певицы, секрет

ляет достоинство и человечность Искусства. Хочется думать, что режиссер действительно верит, что «яроста спасет мир». Под хор Верди молодой серб бросает в броненосец самоделную бомбу — и стальной чудовище уничтожено.

Шум камеры прерывает радостные крики спасенных. Идут съемки фильма, а стало быть, драматические сцены на борту «Корабля дураков», как и весь реж «Глория Н», — фиксация эричудными грез режисера. Апокалипсис не состоялся. Западные критики полагают, что Феллини стремился и сумел доказать превосходство правды вымысла над правдой документального факта. Если так, то он, надо думать, имел в виду, что его вымысел весьма близок к реальности, и пассажиром судна, вменяемого авлаветой Земля, лучше быть историческим, готовым оправдать даже террор во имя ускорения исторического прогресса.

Так или иначе, в финале все линии сливаются воедино, и зритель узнает, что среди скрипячей — подружка Жозефа, Клэр, а съемки фильма должны послужить прикрытием очередной террористической акции Кармен и ее приятелей.

Вместе с тем страсть героя так физиологична, так свободна от моральных, интеллектуальных, психологических аспектов подлинной любви, что Драма Жозефа не вызывает особой сочувствия. А внезапное зарождение этой страсти в сцене налета на банк, и атмосфере мастерских, «солдато и в значительной мере условно святого «бюлета перестрелки», оставляет чувство некоторого недоумения.

Любое, постигающее Жозефа в момент, когда он оказался на полу рядом со схваченной им налетчицей, укрывавшей от пуль сообщника Кармен, выглядит противостественной. Протоестественная, по сути, и сама героиня — женщина, секшая страх, проль и смерть. Впрочем, все это больше напоминает театр абсурда, чем реальную жизнь.

Патологическая бездуховность навязла над героями Годара. Каковы бы ни были мотивы террористических акций Кармен и ее сообщники

Так или иначе, в финале все линии сливаются воедино, и зритель узнает, что среди скрипячей — подружка Жозефа, Клэр, а съемки фильма должны послужить прикрытием очередной террористической акции Кармен и ее приятелей.

Не вызывает сомнений назначение эпизодов с «ядовитой Жаном» — они служат «горизонтом милого» Годара, собственным разное творческой судьбы режиссера, мечтавшего ускорить молодежный бунт, но убедившегося в своем поражении — и в политике, и в искусстве. «Имя Кармен» констатирует известный факт. Кинематограф Годара и «новой волны» принадлежит прошлому, но вряд ли это дает основания предкевать конец света. Между тем французская критика видит в годореске «Кармен» «прекрасный фильм о городе света». Можно было бы поспорить, заслуживало ли «Имя Кармен» высшей награды Венецианского фестиваля 1983 года. Дискутировать же по поводу того, является ли картина зломадипсихологией трагедией, на наш взгляд, бессмысленно: события фильма не дают для этого оснований.

Жозеф любит героиню яростно, с такой фанатичностью желанной красавицы, таинственной хронприни в окружении ласкее, генерала, министров, полковников, охраняющих августую Эрию с прахом великой певицы, секрет

ляет достоинство и человечность Искусства. Хочется думать, что режиссер действительно верит, что «яроста спасет мир». Под хор Верди молодой серб бросает в броненосец самоделную бомбу — и стальной чудовище уничтожено.

Шум камеры прерывает радостные крики спасенных. Идут съемки фильма, а стало быть, драматические сцены на борту «Корабля дураков», как и весь реж «Глория Н», — фиксация эричудными грез режисера. Апокалипсис не состоялся. Западные критики полагают, что Феллини стремился и сумел доказать превосходство правды вымысла над правдой документального факта. Если так, то он, надо думать, имел в виду, что его вымысел весьма близок к реальности, и пассажиром судна, вменяемого авлаветой Земля, лучше быть историческим, готовым оправдать даже террор во имя ускорения исторического прогресса.

Так или иначе, в финале все линии сливаются воедино, и зритель узнает, что среди скрипячей — подружка Жозефа, Клэр, а съемки фильма должны послужить прикрытием очередной террористической акции Кармен и ее приятелей.

Вместе с тем страсть героя так физиологична, так свободна от моральных, интеллектуальных, психологических аспектов подлинной любви, что Драма Жозефа не вызывает особой сочувствия. А внезапное зарождение этой страсти в сцене налета на банк, и атмосфере мастерских, «солдато и в значительной мере условно святого «бюлета перестрелки», оставляет чувство некоторого недоумения.

Любое, постигающее Жозефа в момент, когда он оказался на полу рядом со схваченной им налетчицей, укрывавшей от пуль сообщника Кармен, выглядит противостественной. Протоестественная, по сути, и сама героиня — женщина, секшая страх, проль и смерть. Впрочем, все это больше напоминает театр абсурда, чем реальную жизнь.

Патологическая бездуховность навязла над героями Годара. Каковы бы ни были мотивы террористических акций Кармен и ее сообщники

Так или иначе, в финале все линии сливаются воедино, и зритель узнает, что среди скрипячей — подружка Жозефа, Клэр, а съемки фильма должны послужить прикрытием очередной террористической акции Кармен и ее приятелей.

Не вызывает сомнений назначение эпизодов с «ядовитой Жаном» — они служат «горизонтом милого» Годара, собственным разное творческой судьбы режиссера, мечтавшего ускорить молодежный бунт, но убедившегося в своем поражении — и в политике, и в искусстве. «Имя Кармен» констатирует известный факт. Кинематограф Годара и «новой волны» принадлежит прошлому, но вряд ли это дает основания предкевать конец света. Между тем французская критика видит в годореске «Кармен» «прекрасный фильм о городе света». Можно было бы поспорить, заслуживало ли «Имя Кармен» высшей награды Венецианского фестиваля 1983 года. Дискутировать же по поводу того, является ли картина зломадипсихологией трагедией, на наш взгляд, бессмысленно: события фильма не дают для этого оснований.

Жозеф любит героиню яростно, с такой фанатичностью желанной красавицы, таинственной хронприни в окружении ласкее, генерала, министров, полковников, охраняющих августую Эрию с прахом великой певицы, секрет

ляет достоинство и человечность Искусства. Хочется думать, что режиссер действительно верит, что «яроста спасет мир». Под хор Верди молодой серб бросает в броненосец самоделную бомбу — и стальной чудовище уничтожено.

Шум камеры прерывает радостные крики спасенных. Идут съемки фильма, а стало быть, драматические сцены на борту «Корабля дураков», как и весь реж «Глория Н», — фиксация эричудными грез режисера. Апокалипсис не состоялся. Западные критики полагают, что Феллини стремился и сумел доказать превосходство правды вымысла над правдой документального факта. Если так, то он, надо думать, имел в виду, что его вымысел весьма близок к реальности, и пассажиром судна, вменяемого авлаветой Земля, лучше быть историческим, готовым оправдать даже террор во имя ускорения исторического прогресса.

Так или иначе, в финале все линии сливаются воедино, и зритель узнает, что среди скрипячей — подружка Жозефа, Клэр, а съемки фильма должны послужить прикрытием очередной террористической акции Кармен и ее приятелей.

Вместе с тем страсть героя так физиологична, так свободна от моральных, интеллектуальных, психологических аспектов подлинной любви, что Драма Жозефа не вызывает особой сочувствия. А внезапное зарождение этой страсти в сцене налета на банк, и атмосфере мастерских, «солдато и в значительной мере условно святого «бюлета перестрелки», оставляет чувство некоторого недоумения.

Любое, постигающее Жозефа в момент, когда он оказался на полу рядом со схваченной им налетчицей, укрывавшей от пуль сообщника Кармен, выглядит противостественной. Протоестественная, по сути, и сама героиня — женщина, секшая страх, проль и смерть. Впрочем, все это больше напоминает театр абсурда, чем реальную жизнь.

Патологическая бездуховность навязла над героями Годара. Каковы бы ни были мотивы террористических акций Кармен и ее сообщники

Так или иначе, в финале все линии сливаются воедино, и зритель узнает, что среди скрипячей — подружка Жозефа, Клэр, а съемки фильма должны послужить прикрытием очередной террористической акции Кармен и ее приятелей.

Не вызывает сомнений назначение эпизодов с «ядовитой Жаном» — они служат «горизонтом милого» Годара, собственным разное творческой судьбы режиссера, мечтавшего ускорить молодежный бунт, но убедившегося в своем поражении — и в политике, и в искусстве. «Имя Кармен» констатирует известный факт. Кинематограф Годара и «новой волны» принадлежит прошлому, но вряд ли это дает основания предкевать конец света. Между тем французская критика видит в годореске «Кармен» «прекрасный фильм о городе света». Можно было бы поспорить, заслуживало ли «Имя Кармен» высшей награды Венецианского фестиваля 1983 года. Дискутировать же по поводу того, является ли картина зломадипсихологией трагедией, на наш взгляд, бессмысленно: события фильма не дают для этого оснований.

Жозеф любит героиню яростно, с такой фанатичностью желанной красавицы, таинственной хронприни в окружении ласкее, генерала, министров, полковников, охраняющих августую Эрию с прахом великой певицы, секрет

ляет достоинство и человечность Искусства. Хочется думать, что режиссер действительно верит, что «яроста спасет мир». Под хор Верди молодой серб бросает в броненосец самоделную бомбу — и стальной чудовище уничтожено.

Шум камеры прерывает радостные крики спасенных. Идут съемки фильма, а стало быть, драматические сцены на борту «Корабля дураков», как и весь реж «Глория Н», — фиксация эричудными грез режисера. Апокалипсис не состоялся. Западные критики полагают, что Феллини стремился и сумел доказать превосходство правды вымысла над правдой документального факта. Если так, то он, надо думать, имел в виду, что его вымысел весьма близок к реальности, и пассажиром судна, вменяемого авлаветой Земля, лучше быть историческим, готовым оправдать даже террор во имя ускорения исторического прогресса.

Так или иначе, в финале все линии сливаются воедино, и зритель узнает, что среди скрипячей — подружка Жозефа, Клэр, а съемки фильма должны послужить прикрытием очередной террористической акции Кармен и ее приятелей.

Вместе с тем страсть героя так физиологична, так свободна от моральных, интеллектуальных, психологических аспектов подлинной любви, что Драма Жозефа не вызывает особой сочувствия. А внезапное зарождение этой страсти в сцене налета на банк, и атмосфере мастерских, «солдато и в значительной мере условно святого «бюлета перестрелки», оставляет чувство некоторого недоумения.

Любое, постигающее Жозефа в момент, когда он оказался на полу рядом со схваченной им налетчицей, укрывавшей от пуль сообщника Кармен, выглядит противостественной. Протоестественная, по сути, и сама героиня — женщина, секшая страх, проль и смерть. Впрочем, все это больше напоминает театр абсурда, чем реальную жизнь.

Патологическая бездуховность навязла над героями Годара. Каковы бы ни были мотивы террористических акций Кармен и ее сообщники

Так или иначе, в финале все линии сливаются воедино, и зритель узнает, что среди скрипячей — подружка Жозефа, Клэр, а съемки фильма должны послужить прикрытием очередной террористической акции Кармен и ее приятелей.

Не вызывает сомнений назначение эпизодов с «ядовитой Жаном» — они служат «горизонтом милого» Годара, собственным разное творческой судьбы режиссера, мечтавшего ускорить молодежный бунт, но убедившегося в своем поражении — и в политике, и в искусстве. «Имя Кармен» констатирует известный факт. Кинематограф Годара и «новой волны» принадлежит прошлому, но вряд ли это дает основания предкевать конец света. Между тем французская критика видит в годореске «Кармен» «прекрасный фильм о городе света». Можно было бы поспорить, заслуживало ли «Имя Кармен» высшей награды Венецианского фестиваля 1983 года. Дискутировать же по поводу того, является ли картина зломадипсихологией трагедией, на наш взгляд, бессмысленно: события фильма не дают для этого оснований.

Жозеф любит героиню яростно, с такой фанатичностью желанной красавицы, таинственной хронприни в окружении ласкее, генерала, министров, полковников, охраняющих августую Эрию с прахом великой певицы, секрет

ляет достоинство и человечность Искусства. Хочется думать, что режиссер действительно верит, что «яроста спасет мир». Под хор Верди молодой серб бросает в броненосец самоделную бомбу — и стальной чудовище уничтожено.

Шум камеры прерывает радостные крики спасенных. Идут съемки фильма, а стало быть, драматические сцены на борту «Корабля дураков», как и весь реж «Глория Н», — фиксация эричудными грез режисера. Апокалипсис не состоялся. Западные критики полагают, что Феллини стремился и сумел доказать превосходство правды вымысла над правдой документального факта. Если так, то он, надо думать, имел в виду, что его вымысел весьма близок к реальности, и пассажиром судна, вменяемого авлаветой Земля, лучше быть историческим, готовым оправдать даже террор во имя ускорения исторического прогресса.

Так или иначе, в финале все линии сливаются воедино, и зритель узнает, что среди скрипячей — подружка Жозефа, Клэр, а съемки фильма должны послужить прикрытием очередной террористической акции Кармен и ее приятелей.